

Ван Хун спокойно улыбался Чэнь Жуну.

Он стоял под лунным светом со скрещенными на груди руками с легкой улыбкой на губах и выглядя при этом слишком беззаботно.

И все же Чэнь Жун знал его достаточно долго, чтобы знать, что при каждом подобном молчаливом взгляде, брошенном на него, он хотел прочесть его сокровенные мысли. Наверняка Цилан в курсе произошедшего во дворце. К тому же за словами Цилана что-то оставалось недоговоренным.

— Его Величество разрешил мне иметь своих детей, — ответил он, как ни в чем не бывало, глядя в темноту впереди, с уклончивой улыбкой.

Он хотел сказать Ван Хуну, что Император дал ему молодых людей обоего пола, чтобы у него остались потомки... У мужчины, у которого имеется ребенок, есть якорь в этой жизни. Отныне он не будет ни одиноким, ни беспомощным. Конечно, он мог обойтись и без общества мужчин, для продолжения рода были нужны женщины. Обычно тунфан - личных служанок приятной внешности имели все обеспеченные семьи от аристократов до простолюдинов-крестьян. Императорским указом было ограничено число жен и наложниц, четко декларировав это по статусам, но число тунфан никто не ограничивал. Только по закону их либо стерилизовали, либо прописывали в контракте, что в случае беременности они получают статус наложниц. Этим служанок подкладывали под нужных гостей, банально для дальнейшего шантажа или получения потомка с определенными качествами ну или просто со свежей кровью. Но число наложниц во многих прослойках было как раз регламентировано, значит, детей просто не признавали и они считались бастардами... хотя там хватало способов вывернуться из ситуации. Секс с тунфан не считался изменой, чисто физиологический акт. Их дети им не принадлежали, они принадлежали либо отцу, если он их признавал, либо хозяину служанки, с которой у неё был контракт и он сам решал какой статус дать этому ребенку. Именно на таких тунфан и намекал император. Тунфан брали бездетные семьи или мужские пары.

Ровный голос Чэнь Жуну при этом звучал благодарно, и будто не имея никакого иного смысла.

Улыбка Ван Хуна стала слегка напряженной.

Отвернувшись, он молча глядел на горизонт, где небо встречается с землей.

— Его Величество, конечно, хорошо относится к тебе, — сказал он помолчав. Он хотел успокоить свой голос, но когда заговорил, проявились раздраженные, немного ревнивые нотки.

Чэнь Жун, напротив, с удовлетворением отметил недовольство в его голосе. Ему очень хотелось рассмеяться, но он передумал и, поджав губы, произнес:

— Да, — после этого короткого ответа, он добавил, — Его Величество дал мне тысячу акров земли и потрясающий дом. На этот раз я, наконец, обрел в Цзянькане покой.

Среди лунной ночи губы Ван Хуна изогнулись в явной улыбке и бровь иронично приподнялась. Где дворец и где покой? Все же этот мальчик слишком наивен.

—И статус Императрицы, - мягко напомнил он.

Чэнь Жун отбросил в сторону свои развевающиеся волосы, жадно посмотрел вперед и сказал:

— И что? Теперь у меня есть земля и собственность, и даже ребенок в будущем... А Жун из Дома Чэнь наконец-то получил все, что хотел.

— Все, что ты когда-либо хотел? — голос Ван Хуна был низким и мрачным. Он прищурился и угрожающе посмотрел на Чэнь Жуна. Как-то не вязался изображаемый юношей меркантильный образ, добившийся высшего статуса в империи помимо императора, с этим юным омегой.

Чэнь Жун не смотрел на него, поэтому не знал, что выражение его лица приняло злое выражение. Кивнув, он быстро сказал:

— Верно. Я, наконец, получу все, что в этой жизни желал, — хохотнул он резко, наклонив голову. — Раньше я полагал, что смогу довольствоваться тем, что выйду замуж за обычного ученого, помогу ему накопить немного богатства и родить наших умных детей от тунфан. Кажется, я тебе не говорил: когда у меня было свободное время, я даже думал о том, что делать, чтобы сохранить сердце мужа, чтобы он не приводил домой наложниц и жен.

Услышав себя, он усмехнулся. Пока он сам был в некотором раздвиге. Следовало самому во всем разобраться, но времени на это не было.

Он посмотрел вниз и поводил в воде бамбуковым шестом. Сделав круг из слабой ряби, он улыбнулся, вспомнив «рыбалку императора» в декоративном пруду. Вот еще одна проблема что за перемены в поведении императора? Как-то это мало походило на ЖэньМиня. Но следовало играть свою роль дальше, и он сделал вдохновенное выражение лица:

— Было время, когда я сомневался, что когда-либо получу желаемое. Я и не ожидал, что Его Величество так хорошо со мной обойдется. (благодарный вздох) Хотя я еще не знаю радости иметь семью, все равно здорово иметь землю, дом и даже в перспективе возможных детей.

Повернувшись к Ван Хуну, он снова встретился с его слишком спокойным и слишком холодным взглядом. Тем не менее, Чэнь Жун находился в хорошем настроении, и было все равно на это. Подмигнув ему, он игриво позвал:

— Цила-ан. — опустив взгляд и сцепив руки, он вновь заговорил, — Цилан, пообещаешь мне одну вещь?

— Нет, — мрачно ответил тот. Он чувствовал, что его разыгрывают, но в чем, как-то не складывалось.

— Я ведь еще ничего не сказал, — удивленно посмотрел на него Чэнь Жун.

— Разве ты не хочешь, чтобы я пообещал тебе, что теперь я должен отойти в сторону? — улыбнулся он, однако улыбка явно была неискренней.

Увидев удивленное и разочарованное выражение лица Чэнь Жуна, он тихо произнес:

— Подумать только, ты будешь избегать ночного секретаря и хранителя трона, сидя на нем.

Его голос был таким же мягким и легким, как и раньше, но в то же время безошибочно ледяным. Чэнь Жун подумал, что разговор лучше не продолжать. Он быстро закрыл рот и повернулся к нему спиной.

И все же его губы невольно расплылись в улыбке. В этот момент он все еще был взволнован мыслью о своем благоприятном будущем. Хотя кое-что интересное прозвучало. Ночной секретарь? Хранитель? Он еще со статусом императрицы не разобрался!

— А Жун из дома Чэнь, положи конец любой надежде, которая может существовать в твоём сердце, — решительно произнес Ван Хун.

Удивленный, Чэнь Жун оглянулся, когда услышал продолжение:

— Потому что я убью любого, кто к тебе приблизится. Ну, кроме императора. — Он поджал губы

Внезапно он повернулся, и, взглянув на Чэнь Жуна, осторожно стряхнул несуществующую пыль на его рукаве.

— Ваше величество. Значит, в твоей жизни никогда не будет детей, которые унаследуют твоё богатство и наследство.

Сказав это, он дожидался гнева Чэнь Жуна, но мрачный огонь в его груди становился все сильнее и сильнее. Он подошел к носу и, не поворачивая головы, приказал:

— Гроби быстрее, — сердито произнес он.

Чэнь Жун едва не произнес в ответ: " Ты обратился ко мне «ваше величество» и теперь заставляешь грести? Ты возомнил себя императором? У меня и в мыслях не было, что кто-то вообще коснется меня."

Но, в конце концов, он этого не сказал и молча кипел от его властности и бессердечия.

Поджав губы, он молча ткнул бамбуковым шестом в воду, отталкиваясь от дна.

Легкая лодка рванулась вперед, вскоре оставив Источник Сюфэн далеко позади.

Ван Хун молчал, Чэнь Жун тоже молчал, продолжая сердиться. В данный момент только звук текущей воды и движение бамбукового шеста сливался с криками насекомых и диких животных.

Раздражение Ван Хуна не утихало. Постояв некоторое время на носу, он вдруг ударил кулаком по воздуху и выругался:

— Проклятье!

Этот возглас заставил Чен Жуна взглянуть на него.

Лицо стоявшего к нему спиной Ван Хуна в лучах лунного света было мертвенно бледным.

— Это все вина этого глупого императора, — сквозь стиснутые зубы произнес он с ненавистью.

Чэнь Жун подавил в себе желание возразить. Конечно, Жань Минь не был царедворем, но дураком точно не был. Но что-то с ним было не то.

В это время Ван Хун прошел мимо него к корме и отстегнул туго завязанный кувшин с вином. Подняв кувшин, он сделал большой глоток.

— Не пей, — не удержался Чэнь Жун, услышав булькающие от его питья, выхватив у него кувшин с вином, она закричала, — Мы на середине реки, ты хочешь утонуть?!

Позволив забрать у себя вино, Ван Хун отвернулся к нему спиной и надулся.

— Тебе уже лучше? — послышался вопрос Чэнь Жуна. — Здесь ветрено, не заболей, — помолчав, он попытался убедить его, — Давай вернемся.

Мужчина не обратил на него никакого внимания.

— Ты будешь простужен... — не удержавшись пробормотал он, видя как он даже не повернул головы и все еще дулся, как ребенок. — Ты совсем о себе не заботишься.

Мужчина, стоявший к нему спиной, не сдвинулся с места.

Чэнь Жун продолжал смотреть на него, только чтобы услышать, как он чихнул.

Пока он думал, как ему поступить, он чихнул еще дважды.

— Разве ты не замерз? — поспешно подойдя к нему, и взяв его за рукав, уговаривал юноша, — Давай вернемся.

Он так и не обернулся к нему, но когда он отстранился от прикосновения, Чэнь Жун почувствовал нерешительность в его движении. Его это раздражало, но в то же время удивляло. Поэтому, протянув к нему руки, Чэнь Жун обнял его, чтоб согреть. У одаренных мало шансов заболеть из-за такого пустяка, но следовало немного поманипулировать Циланом. Он куда более сведущ во всех этих придворных тонкостях.

— Цилан, на реке слишком ветрено, легко простудиться.

Он его проигнорировал.

У Чэнь Жуну не осталось выхода, кроме как тащить его обратно. На этот раз тащить его оказалось легче, чем в прошлый. Подтащив Ван Хуна к столу, прикованному цепью к лодке, и, оглядевшись вокруг, он не нашел никакой запасной одежды, и мог только продолжать согревать его со спины.

Мужчина в его объятиях продолжал чихать.

Расстроенный, Чэнь Жун обхватила его руками и присел рядом, успокаивающе поглаживая, так, продолжая его согревать, он толкал лодку вперед. Действительно эмоции плохой помощник в заклинаниях. Очевидно же, что он перестарался.

— Почему ты не взял с собой слуг? — спросил он наконец.

Цилан молчал, спокойно оставаясь в его объятиях. При лунном свете в слегка прикрытых глазах виднелась хрупкость и беспомощность.

Чэнь Жун опустил глаза и нежно поцеловал его меж бровей. Потом он подумал обо всем, что он сделал не так, и не удержался, чтобы не отругать его.

— Ты явно избалован и властен, и тебе нравится переоценивать себя. Ты заболел, а теперь ведешь себя как ребенок.

— У меня даже нет придворного имени, — поворачиваясь в его объятиях, парировал Цилан. — Я еще не взрослый.

При этих его словах Чэнь Жун невольно громко рассмеялся. Он не мог сдержать смеха, и он становился все более и более веселым.

Прекратив смеяться, он быстро поднял голову на звук плещущейся воды.

Вглядевшись в ту сторону, откуда доносился звук, он заметил вдалеке лодки.

— Кто-то там есть, — осторожно прошептал он Ван Хуну.

Эти лодки направлялись прямо на них, но Ван Хун ничего не ответил.

Выпрямившись, Чэнь Жун пристально смотрел на этих людей. В мгновение ока лодки приблизились. Прежде чем он успел заговорить, раздался звучный голос:

— Это вы, ваше высочество?

Голос был немного знаком.

— Иди сюда, — сказал мужчина в объятиях юноши, пока Чэнь Жун задумчиво замер, обдумывая услышанное.

— Это господин! — закричали несколько человек при звуках его голоса. Они подгребли ближе и поклонились.

Когда они подошли к лодке Чэнь Жуна, Ван Хун уже встал. Несколько мальчиков-слуг собрались вокруг, чтобы накинуть еще один плащ на Ван Хуна и помочь ему перебраться на другую лодку. В то время как Чэнь Жун пребывал в замешательстве, и мысленно матерился.

Ван Хун не двигался, повернув голову, он бросил ему свой плащ, тихо сказав:

— Надень, — только когда Чэнь Жун надел его, он взял его за руку и направился к большой джонке, оборудованной, для этого времени, точно богатая яхта. На борту был большой павильон в двух уровнях и широкая палуба. Несколько человек обеспечивали ее движение.

Когда они подошли, мужчины зажгли факелы на носу и корме лодки. В течение короткого

времени в ночи слышалось только треск пылающего пламени факелов. Все Слуги стояли на коленях в поклонах, как полагалось пперед монаршьими особами.

У Ван Хуна на губах появилась слабая улыбка, а глаза заблестели, снова появилась манера поведения, показывающая его привычную изысканность и мудрость. Что еще важнее, он больше не чихал...(сволочь) Чэнь Жун подозрительно впился в него взглядом, в итоге простив ему, решив, что он слишком горд, чтобы прибегнуть к такому дешевому трюку.

Ну да, вся прислуга видела их объятия.

Сильные люди повели корабль вперед. Водяная пена образовывала белую линию, которая тянулась до самого горизонта.

— Мы идем не в том направлении! — воскликнул Чэнь Жун любовавшийся пейзажем. — Мы идем не в ту сторону, — повторил он мужчинам.

Цзянькан находился на юго-востоке, и его можно было увидеть, найдя Большую Медведицу, но лодка плыла на северо-запад.

Но мужчины остались глухи к его крику.

Ошеломленный Чэнь Жун повернулся к Ван Хуну, озаряемому светом факелов, и воскликнул:

— Мы действительно идем не в том направлении, — он указал на небо, —Смотри, Большая Медведица вон там, чтобы вернуться в Цзянькан, нам следует идти в другую сторону.

В прошлой жизни ему приходилось часто прибегать к ориентированию по звездам, да и А Жунь много следовала в походах с генералом. Как генерал, Жань Минь хорошо разбирался в движении по звездам. Поскольку Чэнь Жунь мечтала сблизиться с ним, она также получила некоторые базовые знания. Можно даже сказать, что она была более осведомлена в подобных вещах, чем большинство дворян в Цзянькане. Ну а Женя проходил специальный курс обучения.

Возможно, его глаза были слишком искренними, а тон слишком уверенным, Ван Хун медленно повернул голову.

Его глаза - похожие на заснеженные вершины - спокойно смотрели на него.

Он улыбнулся Чэнь Жуну в изящной манере, присущей только дворянам:

— Направление абсолютно верное.

Увидев округлившиеся глаза Чэнь Жуна, он добавил:

— Нам не нужно возвращаться в Цзянькан.

После чего отвернулся.

— Что? — удивленно спросил Чэнь Жун, и, закусив губу, снова спросил, — Ч-что ты сказал?

Ван Хун взял со стола кубок с вином и подал его Чэнь Жуну.

— Не паникуй, сегодня мы не вернемся в Цзянькан.

— Тогда куда мы направляемся?! — настаивал Чэнь Жун, подавляя гнев.

В этот момент он не осознавал, что больше не заботится о сохранении своего элегантного вида. Он наконец перестал чувствовать себя униженным, перестал склонять голову из-за того, как люди смотрят на него, и перестал молчать из-за того, что люди могут сказать.

Он ничего этого не заметил, но Ван Хун заметил. Он спокойно посмотрел на рассерженного Чэнь Жуна и поморщившись, сказал:

— Нань'ян, — после короткой паузы он тихо добавил, — Маршрут, по которому мы движемся, приведет нас в Нань'ян. Когда мы высадимся, на берегу нас будут ждать экипажи.

— Что ты сказал? — заскрежетал зубами Чэнь Жун. — Мы едем в Нань'ян? Кто хочет ехать с тобой в Нань'ян?! — продолжал он задавать вопросы голосом, дрожавшим от гнева. — Ван Цилан, скажи мне, когда я соглашался ехать с тобой в Нань'ян?

Под его пристальным взглядом, Ван Хун сделал глоток. Не получив от него ответа, Чэнь Жун сердито схватил его чашу с вином.

Ван Хун не возражал на это, он откинулся назад и спокойно смотрел на луну в небе, ответил:

— Я очень хорошо знаю двор и Его Высочество принца Мо.

Он не ожидал услышать от него упоминание о дворе, Чэнь Жун невольно подавил гнев и прислушался.

— Он несколько импульсивен, когда чем-то занимается, — начал Ван Хун. — Когда человек импульсивен, ему не терпится поскорее покончить с делами. Не умея и не желая планировать что-либо, все быстро ему наскучивает, и он забывает о новом спустя пару месяцев, после чего

отбрасывает прочь.

Подумав, Чэнь Жун решил, что это правильно лишь отчасти, видимо, некоторая импульсивность как раз характерна для всех Сыма, насколько он уже с ними знаком. И возможно, что как раз генерал более последователен, иначе он был бы никаким стратегом. Впрочем, в прошлой жизни А Жунь могла сказать, что исключительным стратегическим мышлением он стал обладать больше к концу войны, и больше прославился в истории, как плохо кончивший узурпатор императорского трона. А вот его братец Мужун как раз был известным стратегом, вошедшим в анналы военного дела. Хотя насчет судьбы Жань Миня, еще большие вопросы. Он бессмертен. А следовательно насчет казни это под большим вопросом недаром существовали непроверенные данные, что он стал генералом демонической армии, которая через сотню лет захлестнет мир.

— Разве ты не понимаешь, А Жун? — он повернулся к Чэнь Жуну, его глаза искрились в лунном свете. — Он слишком много занимается твоими делами. Я хочу отвезти тебя в Нань'ян, чтобы ты какое-то время не высовывался, и поучился придворному этикету и премудростям дворцовой жизни, а потом мы вернемся через месяц или два...

Ван Хун наблюдал, как Чэнь Жун в гневе стиснул зубы. Наконец не выдержал его улыбки, он бросилась на Цилана, вцепившись в шею.

Странно, но, несмотря на то, что он душил и кусал его, охранники не только не обращали на него внимания, но и не отворачивались.

Пока он его душил, Ван Хун опять начал чихать.

— Перестань притворяться, я на это больше не куплюсь! - разозлился Чэнь Жун

Вместо ответа, тот продолжал чихать.

Чэнь Жун бессознательно ослабил хватку на его шее и посмотрел на него сверху вниз.

Неожиданно мужчина под ним громко рассмеялся. Он так хохотал, что у него начался приступ кашля.

— А Жун, — заговорил он весело, — Ты и правда любишь меня.

Чэнь Жун так его ненавидел в этот момент, что наклонился и укусила его за шею. Ответом был чувственный стон.

— Эй, не кусай меня на видных местах, — услышал он его смех. — Мне пришлось целый день объяснять про рану, оставленную тобой на моем плече в прошлый раз. Если на этот раз ты укусишь меня еще раз, мне нечем будет оправдаться.

— Я с тобой не забавляюсь тут, — не удержался от яростного крика он, едва переводя дыхание от гнева. Затем он его оттолкнул и повернулся спиной. В то время, как глаза у него аж покраснели от гнева.

Вскоре его спину окутало тепло. Он обнял юношу, положив подбородок на его волосы, мягко уговаривая:

— Не сердись, А Жун. — слабо улыбнулся он. — Какой же ты упрямый. Ты, очевидно, любишь меня, но продолжаешь злиться. Ты прекрасно знаешь, что не можешь убежать от меня, но все равно пытаешься бороться. Ты уже столько меток на мне оставил что любому понятно что мы связаны.

— ...?

— Мне действительно не нравится этот самоуверенный император, — пробормотал он, обнимая его со спины, хотя голос скорее звучал ревниво. — Он может совать свой нос в дела богов, мне все равно, но почему он всегда лезет в твои дела? Если он и дальше будет дарить тебе красивых мальчиков, однажды я могу выйти из себя и убить этого любопытного ублюдка.

Только теперь Чэнь Жун понял, что его это беспокоило весь день. Ему хотелось рассмеяться, но в то же время он был раздосадован.

Однако довольно скоро он подумал: «Не так уж плохо, если Его Величество Жань Минь больше не будет думать обо мне. По крайней мере, он не заберет обратно мои награды по прихоти...» Он все еще страшился изменившегося императора. Сегодня, находясь рядом с ним, с него не сходил холодный пот. Если бы Жань Минь хотел отомстить ему самым жестким образом за его «измену», то кто бы остановил бессмертного... императора. Сцуки.

Кроме того, что сделано, то сделано. Расстраиваться бесполезно. К тому же он всего лишь назначенный указом императрицы, не прошедший настоящие ритуалы. А значит в любой момент это можно отыграть обратно. Император хозяин своего слова - захотел дал, захотел — взял.

— Ты действительно собираешься в Нань'ян? — спросил он, снимая его руку со своей талии.

— Конечно, — усилив хватку, сказал он ленивым голосом, — У хитрого зайца три норы. Ты купил там рудники, землю и магазины.

По какой-то причине, услышав его слова, Чэнь Жун внезапно охватил озноб. В голове замелькали самые разные мысли.

— Теперь, когда варвары сменили цель, Нань'ян в безопасности, поэтому я хочу пойти и посмотреть, — продолжил Ван Хун, глядя на его прямую напряженную спину.- свои дела надо

контролировать.

Спустя секунду, он вдруг склонился к юноше, и прошептал ему на ухо со смешком:

— Не так ли, Цинцин?

Он его проигнорировал.

— В Цзянькане ты зарыл некоторые сокровища, в Нан'яне у тебя вторая нора. Тогда где же третья нора? — вздохнул мужчина позади него. — Где же нам запланировать третью нору, мой Цинцин? — повернув его к себе, сказал он опять.

— Не знаю, — решительно ответил он.

— Что же делать? — заговорил он, продолжая поглаживать его талию. — Земля в Нань'яне может быть записана под чьим-то именем. Земли в Цзянькане можно обозначить под именем другого друга, тогда чье имя мы должны использовать для третьей норы, чтобы остаться в безопасности?

Посмотрев на него, он заговорил, спрашивая Чэнь Жуна:

— Как думаешь, чье имя будет лучше?

— Не знаю.

— Ты не очень умен, мой Цинцин, ты ничего не знаешь, — засмеялся он.

Неожиданно Чэнь Жун улыбнулся. Главной «норой» был Сишань, под крылом весьма одиозного божества всегда можно было основательно залечь. Он правильно рассудил, чтобы все ценности окончательно нашли место в монастыре.

Он посмотрел на него с улыбкой, подобной цветку, и в его голосе звучала естественная соблазнительность:

— Действительно, Цилан, ты всемирно известный ученый, но обращаешь внимание на запах монет. Ты не боишься запятнать свою репутацию?

Белые зубы Ван Хуна обнажились в улыбке, потянувшись к речной воде он погрузил кисть руки немного помотал там ею, и набрав немного в горсть, вынул, не прекращая улыбаться он сказал:

— А Жун, истинные люди не думают о победе и поражении. Только держа все в своих ладонях

и видя их ясно, мы можем по своей воле продвигаться вперед или отступать в трудных ситуациях, не боясь никого и ничего. Это истинное правило ученого.

Отпустив Чэнь Жуна, он посмотрел на яркую луну в небе, слегка улыбаясь продолжил:

— Сегодня такая яркая луна, и со мной красивый омега, отметивший меня! А Жун, сыграй для своего мужа песню.

Едва он произнес эти слова, как крупный охранник вынес и положил перед Чэнь Жун футляр с цитрой.

Все еще злой на Ван Хуна Чэнь Жун упрямо ответил:

— Не в настроении играть. Не хочу.

— Тебе не хочется, мой Цинцин, но твоему мужу хочется, — небрежно улыбнувшись, сказал Ван Хун, совсем не обидевшись на его упрямство.

Он сел и взял инструмент из рук охранника. Вскоре под его тонкими пальцами зазвучали ноты цитры.

Как он и хотел, его музыка была наполнена праздностью, весельем и триумфом.

Не сумев удержаться, Чэнь Жун бросил на него взгляд.

Ван Хун этого не замечал.

Его взгляд был устремлен вниз. Его красивое лицо было одновременно благородным и неземным, а ясные глаза, казалось, были лишены грязи и скверны. Чэнь Жун подозревал что эта благородная сволочь действительно считает что так оно и надо. И он не совершает ничего предосудительного. Просто потому что все, что ОН делает не может быть осуждено.

Словно околдованные его сиянием, несколько светлячков подплыли ближе и заплясали вокруг его изысканно порхающих над инструментом рук.

— О? Почему в такой поздний час здесь лодка? — прошептал в этот момент охранник.

Чэнь Жун оглянулся. И действительно, на другом берегу реки горел свет. Если присмотреться, то это действительно была другая лодка.

— Кто этот мастер цитры? — раздался внезапно с той лодки голос. — Почему ваша музыка так

игриво плывет в ветреную лунную ночь? Простите, что говорю: ваша техника не имеет себе равных, но не кажется ли вам, что ваша веселость звучит довольно легкомысленно?

Его голос резонировал в тишине ночи.

Ван Хун даже бровью не повел. Он грациозно убрал руки, и звук цитры замер.

— Вы несправедливы, господин, — с улыбкой ответил он небрежно посмотрев в ту сторону. — Моя любовь здесь, со мной, и он — все, что я когда-либо хотел, поэтому, конечно, моя музыка радостна и легка.

Его ответ заставил собеседника сделать паузу, прежде чем расхохотаться.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://erolate.com/book/1285/36270>